

Надзирать и
комментировать:
Рецепция и
прагматика дневника
М. Кузмина

Discipline and
Comment:
Reception and
Pragmatics of
M. Kuzmin's Diary

**Александра Сергеевна
Пахомова**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
С.-Петербург, Россия

Aleksandra S. Pakhomova

HSE University,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Статья посвящена восприятию, изучению и истории комментирования дневника М. А. Кузмина. Проведенный анализ показывает, что вокруг дневника уже к 1930-м гг. сложилась устойчивая репутация документального текста, комментирование и публикация которого со временем стали проблемой для исследователей. Анализ структуры, языка и прагматики дневника, в том числе неопубликованной части, показывает, что замысел автора был намного шире: Кузмин долгие годы создавал художественный текст, который переживал те же трансформации, что и другое творчество автора.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10012 «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX-XX веков)». <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, ИРЛИ РАН.

Цитирование: Пахомова А. С. Надзирать и комментировать: Рецепция и прагматика дневника М. Кузмина // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 1. С. 172–199.

Citation: Pakhomova A. S. (2024) Discipline and Comment: Reception and Pragmatics of M. Kuzmin's Diary. *Slověne*, Vol. 13, № 1, p. 172–199.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.1.06

Ключевые слова

Михаил Кузмин, дневник, литературная репутация, дискурсивные практики, архивы

Abstract

The article analyses ways of perception, study and commentary of Mikhail Kuzmin's diary (1905–1934). Extension of the text and its reception by both contemporaries and researchers shows that there was a strong reputation of this diary as a documentary text. For many years, the diary was perceived as a source of information clarifying the details of everyday life in 1910–1930s. At the same time, a commented edition of this text has become an insoluble problem that has lasted for decades. The analysis of the diary, especially its unpublished part, shows the breadth of the author's idea. Obviously, Kuzmin created a literary non-fictional text that experienced the same transformations as the author's prose. Therefore, it is possible to consider and publish the diary text not as a documentary, but as an artwork.

Keywords

Mikhail Kuzmin, diary, literary reputation, discursive practices, archives

Дневник М. А. Кузмина на протяжении XX в. сменил несколько статусов. Для автора он был биографическим, художественным и издательским проектом, для его современников — мифологизированным текстом. Для исследователей середины 1960-х — 1980-х гг. Дневник¹ был недоступным документом эпохи. Для многочисленных публикаторов работа над Дневником стала уникальным опытом, но со временем превратилась в неразрешимую проблему². История Дневника неотделима от истории его рецепции и публикации; последняя в миниатюре отражает противоречия современной русистики и архивохраниения.

В первом приближении можно выделить два главных вопроса, которые ставит Дневник перед исследователями. Во-первых, остается неясным, какое место в своем творчестве отводил Дневнику сам Кузмин, какими он видел отношения этого текста со своими прозой, поэзией,

¹ Далее мы будем использовать слово Дневник (с прописной буквы) применительно к дневнику М. А. Кузмина, в прочих случаях — со строчной буквы.

² На момент написания этой статьи — ноябрь 2023 г. — Дневник все еще не был опубликован в полном объеме. Восстановим хронологию публикации Дневника (без учета случаев выборочной публикации фрагментов, относящихся к тому или иному автору или теме). Записи с 1905 по 1915 г. были опубликованы Н. А. Богомоловым и С. В. Шумихиным [Кузмин 2000; Idem 2005]. Ими же были опубликованы записи за 1921 г. [Богомолов, Шумихин 1993а; Idem 1993б]. С. В. Шумихин опубликовал записи за 1929 г. [Шумихин 2010а; 2010б] и 1931 г. [Idem 1994а]. Дневник 1934 года был издан Г. А. Моревым [Морев 2011]. В 2024 г. под редакцией А. С. Пахомовой была опубликована часть дневника за 1917–1924 гг. [Кузмин 2024].

записными книжками. Во-вторых, требует описания и анализа статус Дневника для исследователя и современного читателя: считать ли этот текст документальным отражением эпохи, художественным вымыслом или мистификацией. Хотя по умолчанию кажется, что дневник не меняет своей прагматики во временной перспективе, на деле это далеко не так: для плодотворного анализа необходимо признать, что жизненный мир³ автора не равен жизненному миру исследователя и некоторые установки, считающиеся последнему понятными и естественными, необходимо осмыслять дополнительно.

Особое положение Дневника в творчестве Кузмина было очевидно уже первым его исследователям. Публикаторы большей части Дневника Н. А. Богомолов и С. В. Шумихин во вступительных статьях неоднократно отмечали проблемные точки этого текста. Главной из них можно назвать неоднородность повествовательных моделей, вызванную неоднократным изменением аудитории Дневника. Записи конца 1900-х гг. были ориентированы на публичное чтение и относительно широкую аудиторию, что сказывалось на их языке и структуре: в эти годы в Дневнике преобладают подробные, обстоятельные рассказы о ежедневных событиях. Начиная со второй половины 1910-х гг. аудитория, на которую Кузмин ориентировал Дневник, все более и более сужается, сводится к интимному кругу автора. В итоге постороннему текст становится попросту непонятен из-за обилия сокращений и неоднородной структуры повествования. Это отмечают публикаторы:

...чтобы верно проникнуть в его [Дневника. — А. П.] суть, надо обладать определенным ключом или ключами, ибо далеко не на все интересующие читателя вопросы текст отвечает прямо и недвусмысленно. Скорее, наоборот: довольно часто попадаются непонятные, зияющие провалы. [...] Порой приходится лишь догадываться о том, что Кузмин в том или ином случае имеет в виду, и далеко не всегда эти моменты поддаются точному комментированию... [Богомолов, Шумихин 2000: 10].

С изменчивостью повествования тесно связана вторая проблема: на протяжении жизни Кузмин то сближал дневниковые записи со своим художественным творчеством, то разводил их. Яркий, образный язык поденных записей, размышления о творчестве и описание жизни богемы, характерные для Дневника 1900-х гг., во второй половине 1910-х сменяет скупая фиксация низменных и бытовых подробностей, почти ничего не прибавляющих к репутации Кузмина-писателя:

³ Мы используем понятие «жизненного мира», введенное Э. Гуссерлем [Гуссерль 2013: 204] для описания пространств взаимодействия человека с социумом и культурой (как актуальными, так и предшествующими).

...заметки о получении этих денег из различных источников, перечисление мест, где Кузмин обедал или ужинал, фиксация сексуальных эпизодов также в довольно однообразных формулах — все это занимает несоразмерно большое место в дневнике, если его рассматривать как источник сведений о литературной или театральной жизни, биографических данных как о самом авторе дневника, так и людей его окружения [Богомолов 2009].

Наконец, третья проблема — это спектр ожиданий, предъявляемых к Дневнику современниками и исследователями, который текст на деле разрушает: «Контраст между зафиксированной в дневнике Кузмина реальностью и романтизированными представлениями о ней будет значительно сильнее, нежели при публикации дневника А. Н. Вульфа, в свое время осветившего “изнутри” любовный быт пушкинской эпохи» [Шумихин 1990а: 139].

Исследователи объясняли изменения в манере ведения Дневника по-разному. Так, Н. А. Богомолов считал, что с середины 1910-х гг. у Кузмина в целом меняется отношение к художественному творчеству, что приводит поэта к кризису 1920-х гг.: «Поэзия временами даже начинает осознаваться как что-то полупристойное, недостойное настоящего литератора. Кажется, это было связано в первую очередь с тем, что среди ближайших друзей и спутников жизни в это время он не мог получить подлинной оценки своего творчества» [Богомолов 2024: 351]. Соответственно изменилось и отношение к Дневнику, который из объекта пристального внимания автора превратился в поденную хронику: «...с 1913 года дневник для Кузмина становится не только автокоммуникативным, но вдобавок еще и автоматизируется, перестает осознаваться как объект художественной и/или исторической ценности» [Богомолов 2009]. Г. А. Морев, осознавая «надлитературный» статус Дневника, связывает изменения, произошедшие внутри текста, с переменами в историко-культурной ситуации и постепенным оттеснением Кузмина на периферию литературной жизни: «...с конца 1910-х годов, с резким изменением обстоятельств литературной и частной жизни Кузмина, “разительный рельеф” Дневника [...] и его стилистическая поверхность меняются. [...] Это был д н е в н и к н е у д а ч н и к а» [Морев 2011: 8, рядка Г. А. Морева. — А. П.].

Однако даже на первый взгляд видно, что неоднократно поставленная проблема Дневника все еще не разрешена: среди главных причин этого следует назвать внушительный объем текста, затрудненный доступ к нему и сложности публикации, растянувшейся на десятилетия. Как мы попытаемся показать, все эти причины прямо проистекают из статуса Дневника в культуре и практик, сложившихся вокруг него как при жизни, так и после смерти его автора.

История написания, попыток публикации и посмертной судьбы Дневника исчерпывающе изложена С. В. Шумихиным [Шумихин 1990а; Шумихин 1994б], к фактографии и выводам которого за последние годы не прибавилось нового. Для наших задач важно упомянуть лишь несколько известных обстоятельств. Мысли о продаже Дневника посещали Кузмина с 1918 г.: в январе он ведет переговоры с коллекционером М. А. Ростовцевым, в мае — с библиофилом С. А. Мухиным; в марте 1919 г. планирует продать дневник издателю З. И. Гржебину. Эти попытки в силу разных причин оказались неудачными. В конце концов, в 1921 г. Кузмин продал Дневник издательству «Петрополис», однако публикация снова не состоялась [Тимофеев 1991: 191]. Очередная попытка продать Дневник — на этот раз удачная — относится к 1933 г., когда Кузмин передал в Государственный литературный музей свой архив. В начале 1934 г. архив был затребован «для изучения» органами ОГПУ, где он пробыл до 1940 г., после чего вернулся в Гослитмузей и годом спустя был передан в ЦГАЛИ (ныне — РГАЛИ). В результате всех перипетий до исследователей дошли 23 тетради Дневника с 1905 по 1931 г. с лакунами (дневник 1932–1933 гг., вероятно, был утрачен в ходе «изучения» ОГПУ рукописей), а также сохранившийся в машинописи дневник 1934 г.⁴

История бытования Дневника чрезвычайно важна, потому что именно она сформировала сложное смысловое поле вокруг этого текста. Прежде всего нужно подчеркнуть, что Дневник с момента начала его систематического ведения под известной нам нумерацией (с 22 августа 1905 г.) мыслился Кузминым как произведение, находящееся на границе публичного и приватного. Характерно, что Кузмин начинает активно вести дневник в момент вхождения в богемные круги, а особую роль текст приобретает во время сближения автора с кругом Вяч. И. Иванова. Для собраний на ивановской «башне» публичное чтение интимных записей составляло неотъемлемую часть эмоциональной культуры, стимулируя размышления и сотворчество. Вот так описывает одно из таких чтений Иванов в собственном дневнике:

Аббат [Кузмин. — А. П.] читает свой дневник за ноябрь 1907 г. Вчера я, нарочно, чтобы пронзить себя болью, настоял на прочтении октября. Здесь — т. е. в дневнике — также presto [быстро. — *итал.*]⁵; но все так скупое, тесно и мелочно. Его общество полезно [Иванов 1974: 780].

Продуктивно было бы в этом отношении сравнить две хронологически близкие записи Кузмина от 1906 г. — до знакомства с кругом Иванова

⁴ Несколько записей 1905 г. сохранились в машинописной копии, сделанной в 1920-х гг. (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 50а).

⁵ Перевод с иностранных языков — по примечаниям в источнике.

и после, чтобы сопоставить стратегии осмысления автором Дневника и себя относительно этого текста. Если в первой записи утверждается, что дневник пишется менее всего для других, то уже спустя два месяца автор явно сообщает о своем желании читать дневник аудитории (текст становится публичным):

И я прочел Сомову дневник, он говорил, что он — *ahugi* [ошеломляющий. — *фр.*], что это бьет по голове, говорил, что, кроме интереса скандала, некоторым он мог бы быть толчком и даже <исправлением?>; намечал Иванова и Бенуа. *Кажется, и действительно ему понравилось, хотя я менее всего думал, пища дневник, о том, чтобы это нравилось кому-нибудь. [...] Да, Сомов нашел, что впечатление дневника бодрящее, что чувствуется любовь к жизни, к телу, к плоти, никакого нытья* (24 апреля 1906, [Кузмин 2000: 136])⁶.

Читал дневник. *Это было очень важно для меня и, почему-то думаю, и для Ивановых. Что бы ни было дальше, лед сломан.* Вяч<еслав> Ив<анович> не только говорил о художественности⁷, но не отвратился и от содержания и согласился даже, что он целомудрен (13 июня 1906, [Кузмин 2000: 171]).

Изменение отношений между эго-документами и художественными текстами составляло основу житнетворческого поведения символов⁸, и Кузмин, находясь под влиянием Иванова, очевидно такому поведению следовал. По этой причине некоторые особенности дневниковой формы (неразличение автора и адресата, нефикциональность, автобиографичность текста и др.⁹) Кузмин использует в художественных целях. Отсутствие границы между художественным и (авто)документальным становится одним из главных принципов творчества Кузмина второй половины 1900-х гг.: тогда он неоднократно намеренно нивелировал различия между собой, автором-рассказчиком и героями произведений. Так, автор романа «Крылья» (1906) никогда не опровергал своего биографического сходства с главным героем произведения, Ваней Смуровым [Богомолов 1995: 122–123], что быстро стало элементом публичного образа Кузмина [Малмстад 2004]. В том же ряду можно вспомнить и «Александрийские песни», лирического героя которых моментально отождествили с самим Кузминым, чего сам автор не опровергал¹⁰. Примеры можно множить: цикл «Любовь этого лета» передает нюансы взаимного любовного чувства, которое параллельно

⁶ Здесь и далее курсив наш.

⁷ 13 июня Иванов делает в своем дневнике следующую запись: «Чтение было пленительно. Дневник — художественное произведение» [Иванов 1974: 749].

⁸ См. об этом, напр.: [Paperno, Grossman 1994].

⁹ Подробнее эти и другие признаки дневника см.: [Зализняк 2010].

¹⁰ О становлении литературной репутации Кузмина см.: [Панова, 1: 334–348; Пахомова 2021a: 22–40].

написанию цикла переживал и его автор. Связь реальной последовательности событий с их фиксацией подчеркнута датировками вроде «июнь – август 1906»; циклы расположены внутри книги в хронологической последовательности, что также укладывается в стратегию лирического дневника.

Помимо этого, Кузмин намеренно создавал ситуации, когда художественное произведение не могло быть понято без соответствующего биографического комментария: так было со стихотворным циклом «Прерванная повесть», опубликованном в начале 1907 г. в альманахе «Белые ночи»¹¹. Запутанные любовные отношения, история которых развивалась в цикле, едва ли мог прояснить «прозаический дублет» — опубликованная в том же альманахе повесть «Картонный домик». Разобраться в произошедшем можно было только в одном случае: если знать историю из первых уст, т. е. от самого Кузмина, который подробно описал ее в Дневнике. Небольшой литературный скандал, который последовал за выходом этих текстов¹², мог развернуться, только если читатель знал, о ком именно идет речь, и ощущал, почему ситуация вынесения личных отношений в область беллетристики была столь неоднозначна. Результатом этой стратегии стала скандальная слава Кузмина, которую он культивировал, очевидно, ощущая свою выгоду в период высокой конкуренции за внимание публики¹³.

Иными словами, Кузмин использовал Дневник для построения собственной литературной репутации. Вероятно, именно по этой причине был уничтожен не соответствующий новому образу текст более раннего времени (который, если смотреть на постоянство его автора, должен был существовать). В 1906 г. Кузмин создает преамбулу к Дневнику — текст-автобиографию «Histoire edifiante de mes commencements» («Поучительная история моих начинаний»)¹⁴, рассказ о своем происхождении и предках, а также о событиях, происходивших до начала

¹¹ Подробно эта история описана в: [Богомолов 1995: 87–88].

¹² См. комментарии Н. А. Богомолова к: [Кузмин 1995: 265–266].

¹³ См., например, запись в Дневнике от 1 февраля 1907 г.: «[...] После перерыва пел я, кажется, было достаточно слышно. У меня очень болела голова. Часть публики была очень предубеждена или не воспринимала и вела себя невозможно: громко смеялась, говорила, шикала, бывали перерывы, но доиграл я до конца. Был ли это успех, не знаю, но демонстрация и утверждение искусства — да, и потом, многим (я сам слышал и видел) очень понравилось, а скандал всегда усиливает известность. Только смешно, что я и мои вещи, менее экстренные, боевые, чем других, — вызывают всегда скандалы...» [Кузмин 2000: 316]. См. также рецензию Вл. Боцяновского, где критик прямо упрекает писателя в безнравственном вынесении интимных подробностей реальных лиц на публику [Боцяновский 1907].

¹⁴ См. публикацию: [Кузмин 1990]. К. А. Сомов в письме Кузмину из Мартышкина 10 августа 1906 г. писал: «Жду с нетерпением и уже написанное Вами — как скоро! — вступление к дневнику» (цит. по: [Кузмин 2000: 496]).

систематических записей. Все это свидетельствует о том, что в этот период писатель был готов корректировать исповедальность своего дневника, принося в жертву документальность и искренность ради законченной литературной формы. Однако стоит оговорить, что именно мифологизировать свой Дневник Кузмин не собирался, оставляя за ним право считаться документом. Об этом косвенно говорит тот факт, что осенью 1906 г., в разгар деятельности кружка Гафиза, Кузмин записывает в Дневник, как на одном из вечеров на «башне» «строили планы будущих вещей, будущих приключений, manuel d amougeux [руководства влюбленным — *фр.*], апокрифического дневника...» [Кузмин 2000: 261–262]. Следовательно, пространством для экспериментов должен быть стать другой текст, созданный специально, а не уже существующий Дневник.

И здесь нужно констатировать поистине роковую для Кузмина закономерность: как его репутация сформировалась в первые годы писательской карьеры и затем ощутимо влияла на восприятие всех его последующих текстов (вплоть до итогового сборника 1929 г.)¹⁵, так и слава Дневника сложилась в первый этап его существования — 1900-е гг. Усилиями Кузмина и по инерции работы литературной репутации сформировался магистральный сюжет восприятия его произведения, который в общем виде можно описать как безусловное доверие к тексту, автор которого фиксировал реально происходящее с ним, а затем использовал этот материал для творчества. Дневник в таком случае выступает как документальный дублет художественного письма, из чего прямо следует другое обстоятельство: он воспринимается как источник достоверных сведений о жизни автора, его круга и его эпохи.

Презумпция правдоподобности дневниковых записей действительно бытует в современной исследовательской культуре: дневники писателей, художников, общественных деятелей нередко осмысляются как источник сведений об эпохе и ее деятелях¹⁶. Другой распространенный подход — рассматривать писательские дневники либо как

¹⁵ См. об этом: [Пахомова 2021а: 22–40].

¹⁶ См. преамбулу к публикации дневника Блока: «...этот дневник для нас — драгоценнейший документ, существенное дополнение его [Блока. — А. П.] творческого наследия, важнейший источник биографии Блока и изучения его мироощущения, его творчества, его окружения, его эпохи» и ее название «Исповедь правдивой души» [Гришунин 1989: 5]; дневников и прозы З. Н. Гиппиус: «...она создала мозаику крупного и мелкого, важного и случайного, словом, всего того, что является таким бесценным в глазах историка литературы, а для просто заинтересованного читателя создает неповторимый аромат эпохи» [Михайлова 2004: 9] и др. Необходимо подчеркнуть, что в обоих случаях здесь действительно можно говорить о достоверности записей и особой установке авторов дневников на фиксацию реально происходящего (что особенно характерно для дневников Гиппиус первых пореволюционных лет).

протохудожественную литературу¹⁷, либо как самоцельные художественные тексты. О пограничном положении дневников относительно фикциональной и нефикциональной литературы писала Л. Я. Гинзбург, подчеркивая большие художественные возможности таких текстов:

Эстетическая преднамеренность может достигнуть того предела, когда письма, дневники становятся явной литературой, рассчитанной на читателей — иногда посмертных, иногда и прижизненных. Мемуары, автобиографии, исповеди — это уже почти всегда литература, предполагающая читателей в будущем или в настоящем, своего рода сюжетное построение образа действительности и образа человека... [Гинзбург 1977: 12–13].

Кузминский Дневник, насколько нам известно, никогда не подвергался сомнениям относительно подлинности описанного — высказывались только уверения в пристрастности автора. Такой взгляд дважды транслирует А. А. Ахматова. В 1926 г. она называет записи из Дневника о Н. С. Гумилеве, которыми поделился Кузмин «ненужными и совершенно незначительными»:

...просто обидно, что вот кузминский дневник — пестрит датами обедов, и ни звуком не упоминает о действительно интересных моментах, что такие сведения — ненужные и совершенно незначительные — сохранились, а не сохранилось ничего из того, что нужно до зарезу, что интересно... [Лукницкий, 2: 24–25]¹⁸.

В 1940 г. Ахматова передает Л. К. Чуковской сходное впечатление о Дневнике:

¹⁷ См., например: «...в исходном понятии дневник — еще не литература, разве что зачаточная ее форма» [Михеев 2006]. Отсюда же традиция выделения писательских дневников в самостоятельные тексты, на основании того «служит ли [дневник], например, просто вспомогательным материалом для дальнейшей работы, как записные книжки Чехова, из которых, по мере использования, планомерно вычеркивались [...] сюжеты и фразы [...] или как рабочие тетради Достоевского (где, по мнению исследователей, просто многократно поговаривалось и про-говаривалось то, что потом воплощалось в романы); [...] или дневник вполне самостоятелен и независим, будучи отделен от остального творчества — как было у Михаила Пришвина или у Льва Толстого» [Ibid.]; «Для характеристики жанра дневника существенно еще и то, является ли его автор профессиональным писателем. Поскольку все, что пишет писатель, — это часть его профессиональной деятельности, любая запись в дневнике — потенциальный “пред-текст”, материал, из которого потом делается “текст”» [Зализняк 2010], также см. разветвленную классификацию писательских дневников в: [Егоров 2003].

¹⁸ Сам Лукницкий дает иную характеристику Дневника: «А для самого Кузмина такая манера вести дневник — совершенно безболезненна, потому что он давал свои мнения о прочитанных книгах, о своей деятельности литературной, много читал, думал — его мысли читаются с интересом, — у него ко всему своеобразный подход, свой стиль...» [Лукницкий, 2: 24]. Представляется, что здесь мы сталкиваемся с двумя разными подходами к прагматике Дневника и двумя разными уровнями пристрастности в оценке его автора.

Он [Кузмин. — А. П.] оставил дневник — продал его Бончу, — а Оленька [О. А. Глебова-Судейкина. — А. П.], которая с Кузминым была дружна, рассказывала мне, что это нечто чудовищное. Потомки получают нечто вроде дневника Вигеля. Он никого не любил, ко всем был равнодушен, кроме очередного мальчика. В его салоне существовал настоящий культ сплетни [Чуковская 1997: 174].

Ахматова прибегает к определенной дискурсивной модели, используя в качестве ориентира «Записки» Ф. Ф. Вигеля — текст, подлинность изображенного в котором не вызывала сомнения ни у современников, ни у потомков; в то же время пристрастность этих записей была очевидна¹⁹. Из высказывания Ахматовой следует не то, что потомки получают «нечто *неистинное*», а то, что им достанется «нечто *чудовищное*» и проблема, таким образом, будет не в достоверности данных, а в их подаче. Такая оценка неудивительна, так как аморальность Кузмина была постоянной характеристикой в произведениях и мемуарах Ахматовой²⁰.

Убеждение в правдивости Дневника разделит и ОГПУ, когда в ходе обыска в квартире Кузмина осенью 1931 г. конфискует тетради Дневника за 1929–1931 гг. вместе с другими бумагами писателя и когда М. С. Горб в 1934 г. запросит уже проданный к тому моменту архив «для изучения». Эти обстоятельства существенно повлияли на статус записей. Так, долгие годы считалось, что именно дневник Кузмина стал причиной арестов в 1930-е гг. многих гомосексуалов²¹ — во многом потому, что изъятие купленного архива пришлось на момент рекриминализации гомосексуальности в Уголовном кодексе 1934 г. (систематическое преследование развернулось еще раньше, во второй половине 1933 г.²²). Э. Ф. Голлербах, многолетний друг Кузмина, отметил в собственном дневнике в феврале 1941 г.:

По слухам, немало вреда проистекает от «дружеских» записей, имеющих в тех дневниках писателей, которые попали в музеи и библиотеки. Говорят, что много откровенных и «неудобных» отзывов и оценок содержит в себе летопись литературных сплетен — сиречь, хранящийся в Публ<ичной> Библиотеке («засекреченный») дневник Зин. Гиппиус. То же говорят о дневнике Кузмина (принадлежащем Гос<ударственному> Литер<атурному> музею) [Голлербах 1990: 234].

¹⁹ Двухтомное издание «Записок» вышло в 1928 г.: [Вигель 1928].

²⁰ История сложных отношений Кузмина и Ахматовой, в которой перемежаются моменты ученичества и взаимного охлаждения, изложена в: [Тименчик, Топоров, Цивьян 1978]. См. также относящееся к тому же 1940 г. воспоминание «Кузмин был человек очень дурной, недоброжелательный, злопамятный» [Чуковская 1997: 173].

²¹ См., например: [Тимофеев 1994: 53].

²² См. об этом фундаментальное исследование Д. Хили: [Хили 2022: 375–415].

Хотя ныне эта точка зрения считается маргинальной [Морев 1995: 331–333], сам факт ее появления показывает стратегии восприятия Дневника его современниками: существовала вероятность того, что текст можно изучать ради обнаружения достоверной – и опасной – информации.

Подобное отношение к Дневнику отчасти дошло до наших дней. Переданный весной 1941 г. из собрания Гослитмузея в ЦГАЛИ Дневник долгие годы не выдавался широкому кругу исследователей. Так, Г. Г. Шмаков в этапной для кузминоведения статье «Блок и Кузмин» (1972) отмечает, что Дневник «пока недоступен в полном объеме и привлекается лишь частично» [Шмаков 1972: 341]²³. Примечательно, что Шмаков фактически задает модель использования исследователями Дневника как документа, когда пишет: «...лучшие стихи Кузмина [...] Блок находил в цикле “Радостный путник”, где получило свое выражение “серафическое” отношение Кузмина к миру, то самое, которое он сформулировал в дневнике 1905 года» [Шмаков 1972: 346]; или: «в “Дневнике” Кузмина есть ряд любопытных записей, свидетельствующих об отношении Кузмина к самодержавию и Октябрьской революции. Эти записи во многом объясняют и подкрепляют высказывания Кузмина о поэме “Двенадцать”» [Ibid.: 358]. Схожим образом поступает и К. Н. Суворова, когда, публикуя отрывки из Дневника и впервые подробно описывая его структуру, замечает: «Калейдоскоп упоминаемых в дневниках имен и фактов дает несомненно большой материал для уяснения эпохи, психологии и поведения людей определенного круга, позволяет уточнить ряд конкретных фактов историко-литературного значения» [Суворова 1981: 147]. Наконец, публикуя впервые некоторые фрагменты из Дневника, С. В. Шумихин заключает: «Наибольшее значение дневники имеют для изучения биографии самого Кузмина». Впрочем, ниже публикатор оговаривается: «Кузмин определенно рассматривал свой дневник как особый жанр литературы» [Шумихин 1990b: 234].

Статус документа не присущ дневнику имманентно – исследователям известны мифологизированные, художественные, полувывмышленные дневники. Первые кузминоведы вправе были относиться к Дневнику настороженно хотя бы по причине того, что статус этого

²³ Шмакову были доступны только записи за 1905 г. из машинописной копии Дневника, хранящейся в архиве РНБ. Другие записи, в том числе за 1917 г., он цитирует по, вероятно, первому упоминанию Дневника в научной литературе – биографии Блока, написанной А. М. Турковым [Турков 1969: 84, 268–269]. Исследователь не смог разобрать почерк Кузмина, поэтому цитаты, опубликованные в этой книге, неточны. Отметим, что Турков называет записи Кузмина «свидетельствами» и иллюстрирует с их помощью отношение к революции в среде художественной интеллигенции [Ibid.: 268].

текста, как и сам текст целиком, долгие годы были неизвестны. Однако безусловное доверие к Дневнику — стратегия, которая задается с момента ввода этого источника в научный оборот. Как нам кажется, этому поспособствовала репутация Дневника, которую транслировали современники и которая конструировалась самим Кузминым. Однако немалую роль сыграли также изъятие и помещение Дневника в «спецхран», что ограничило доступ к тексту и потому неизбежно мифологизировало его²⁴. Неизвестный и «засекреченный» текст — безусловно наиболее достоверный и правдивый, так как никто не может утверждать о нем обратного²⁵.

Другая причина доверия к Дневнику косвенно задана практиками архивохранилища, прежде всего рубрикацией документов. Если мы посмотрим на разделы систематизации фонда М. А. Кузмина в РГАЛИ (ф. 232), то увидим, что его дневники попадают в первой описи в раздел «Рукописи», где выделяются в особую папку наравне с «Записными книжками», «Пьесами», «Переводами» и др. Архивная каталогизация, составленная для удобства поиска и дающая необходимую предварительную информацию, словно изгоняет дневник из остального массива произведений автора, выделяя ее в особую, непроницаемую для текстов иных жанров и форм, подгруппу. Так сама структура архива транслирует определенное отношение и способ работы с документом (эта же структура обыкновенно повторяется в собраниях сочинений, где дневники выносятся в отдельный том).

Историками и архивистами давно ведутся дискуссии о незаметном, но важном статусе архивов как институций, конструирующих определенное знание. По словам Ф. Блоун и У. Розенберг,

хотя сам доступ к архивным материалам ставит исследователя, способного критически ими пользоваться, в привилегированное положение, он должен понимать, каким образом эти источники собирались, оценивались и каталогизировались, — в противном случае он сможет прийти только к тем выводам, ради которых, возможно, данные документы и были подобраны. [...] архивы являются [...] пространствами институциональными, где оспариваемые представления о прошлом зависят от тех способов, какими смысл

²⁴ Мифологизация Дневника протекала в разных направлениях — его подразумевали как в реакционном, так и в порнографическом содержании. Здесь уместно привести мемуар В. Швейцер. Ее попытка в середине 1970-х гг. заказать несколько томов Дневника, относящихся к периоду предполагаемых контактов Кузмина с М. И. Цветаевой, завершилась отказом: «...после доверительных разговоров с сотрудниками архива выяснилось, что дневники “закрыты” не за политику, а за “неприличие”: Кузмин был гомосексуалистом» [Швейцер 1979: 141].

²⁵ В 2024 г. рукопись Дневника все так же не выдается на руки. Исследователям предлагается работать с микрофильмами, изначально трудночитаемыми, а после прохождения через десятки рук и вовсе находящимися в плачевном состоянии.

источников был скрыт, затемнен или, что еще важнее, навязан архивными практиками и установками [Блоун, Розенберг 2013: 130].

По всей видимости, здесь мы имеем дело именно с такой дискурсивной установкой: ненамеренно вынесенный из корпуса художественных и эпистолярных текстов писателя Дневник автоматически примыкает к группе рукописей, обладающих документальной ценностью²⁶. Итогом становится сперва охрана этого документа архивистами под предлогом того, что потенциально опасные сведения могут навредить еще живым современникам, затем — повсеместное обращение к Дневнику в основном с целью «проверить» или «уточнить» конкретные факты, к чему этот текст якобы наиболее располагает. Оба подхода на деле оказываются непродуктивными, так как текст Дневника не вписывается во внешние конструкции²⁷. В результате Дневник замкнулся на самом себе: в 1980-е гг. его не выдавали «на руки» по причине возможного неприличного содержания, в 2020-е гг. не выдают по причине крайней ветхости источника, просмотренного десятками исследователей (микрофильмирование Дневника произошло в 1990-е гг., что уже указывает на его особую популярность среди прочих единиц кузминского архива в РГАЛИ).

История публикации Дневника подтверждает, что с момента введения в научный оборот он действительно занимал внешнюю по отношению к прочим кузминским текстам позицию. В предисловии к хронологически первому тому Дневника Н. А. Богомолов и С. В. Шумихин намечают противоречие, открывшееся исследователям: с одной стороны, «сам по себе текст еще не является самодостаточным без серьезного истолкования» [Богомолов, Шумихин 2000: 5], с другой — «читатель должен отдавать себе отчет, что любой дневник, и дневник Михаила Кузмина в том числе, не может показать человеческую личность как объективную реальность» [Ibid.: 6], с третьей — «читатель дневника должен не только читать сам текст и комментарии к нему, но и знать основные поэтические и прозаические произведения Кузмина, так как только соположение текста автокоммуникативного (каким является дневник) с различными художественными даст возможность увидеть образ автора» [Ibid.: 11]. Получается, что Дневник не способен показать объективную реальность жизни Кузмина и может восприниматься

²⁶ Схожую ситуацию можно обнаружить в случае дневников А. А. Блока (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Раздел систематизации «Автобиография и дневники»), А. Белого (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Раздел систематизации «Рукописи, дневники» объединяет дневники, записную книжку и материалы к биографии) и др.

²⁷ Вероятно, не одно поколение исследователей столкнулось с ситуацией, когда с большим трудом добытый для проверки каких-то фактов Дневник оказывался в этом деле абсолютно бесполезен.

только в соотношении с другими текстами писателя. Однако вся дальнейшая работа буквально отменяет этот вывод: публикаторы стремятся *истолковать* текст и *объяснить* с его помощью личность его автора (характерно, что преамбула к Дневнику превращается в изложение биографии Кузмина, а дневник уподобляется жизнеописанию). Словно осознавая это противоречие, во вступительной заметке к Комментарию публикаторы оговариваются: «Ввиду большого объема самого текста и громадного количества событий, там упомянутых, комментаторы отдают себе отчет, что далеко не все обстоятельства удалось откомментировать» [Кузмин 2000: 442]. Эта проблема станет центральной в работе над дневником второй половины 1910-х — 1920-х гг.: «Читатели этой части дневника будут погружены в мир пайков и мелких гонораров, полузабытых театров и таких же полузабытых, а то и вовсе забытых актеров, с трудом понимаемых сплетен и интриг. [...] В издании Дневника способствовать пониманию этого должны комментарии...» [Богомолов 2024: 352]. Картина парадоксальна: дневник бесполезен без уточняющих и разъясняющих комментариев²⁸, а вследствие затрудненного характера этого текста и почти непосильной задачи подробного реального комментария оказывается бесполезен вовсе. Такое отношение к Дневнику если не завело исследователей в тупик, то вывело их на чрезвычайно трудную дорогу. Комментарий к Дневнику 1900-х — начала 1910-х гг., написанному достаточно подробно и к тому же коррелирующему со множеством иных текстов эпохи, был составлен, в то время как работа по комментированию намного более темного, трудночитаемого и без меры сокращенного самим автором Дневника 1920-х растянулась на несколько десятилетий. Следует признать, что она едва ли может быть когда-то окончена, так как сам текст не располагает к подробному его истолкованию и даже сопротивляется классическому академическому комментарию.

Вовсе не стремясь дезавуировать правдивость Дневника, мы хотим указать на возможность принципиально иного подхода к анализу этого текста и его прагматики. Однако для этого необходимо задать самый первый, базовый вопрос: а что за текст перед нами?

Представление о внешнем виде и функции дневников можно отнести к фоновым и кросс-культурным: каждый читатель, имеющий минимальный культурный опыт, может определить их без особого труда. Дневник Кузмина однозначно относится к типичной дневниковой

²⁸ Характерно, что первые комментарии к дневнику обязался написать сам Кузмин: в договоре о продаже Дневника Я. Н. Блоху и А. С. Кагану (1921 г.) особо оговорен пункт 4, согласно которому Кузмин обязуется «снабдить рукопись дневника примечаниями и указателем имен и вообще придать рукописи готовый к печати вид» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 22).

форме: в нем легко обнаруживаются повествование от первого лица, фрагментированность, указание дат и дней недели, выстроенную и легко проверяемую по иным источникам хронологию событий. Но в то же время прагматику Дневника осложняет несколько обстоятельств: постоянное (в итоге осуществившееся) желание автора продать или опубликовать его; практика публичного чтения; хронологическая неоднородность записей, большое количество сокращений, затрудняющее чтение. Возникает противоречие: если автор постоянно предполагал возможное отчуждение Дневника от себя, то почему он не стремился сделать его текст если не интересным, то хотя бы минимально понятным потенциальному читателю? А если Дневник создавался прежде всего «для себя» и для чтения в интимном кругу, то чем вызваны неустанные попытки Кузмина его опубликовать?

Было бы упрощением объяснять попытки Кузмина продать Дневник для публикации в 1918 и 1920 г. только его материальными трудностями, хотя последние и очевидны: на рубеже 1910-х — 1920-х гг. Кузмин заключит с разными издательствами несколько договоров на издание своих книг²⁹. Факт продажи Дневника для публикации лишь подчеркивает возможность, которую Кузмин допускал, и о его готовности эту возможность при случае реализовать. Тем любопытнее, что перспектива публикации существенно не изменила способа ведения записей: Дневник 1921 (создаваемый уже после запланированной продажи в 1920 г.), как и Дневник 1920, как и прочие — равно темные тексты, состоящие из сокращений, повторов и ведущиеся небрежно. Писатель не видел необходимости менять текст в угоду читателю, так как видел в Дневнике законченную художественную форму.

Неоднородность текста Дневника видна невооруженным глазом. Пространные, насыщенные тропами и лексически разнообразные записи 1900-х гг. сменяются в начале 1910-х гг. заметками, фиксирующими произошедшее за день в предельно лаконичной форме. Например, так начинается запись от 10 декабря 1905 г.:

Утром над туманной багровой зарей зеленело ясное нежное небо с узеньким, будто дрожащим, серебряным серпом ущербающего месяца. Сгустившиеся потом облака разгонялись ветром и из опаловых, голубых, розовых, желтых

²⁹ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 4–5 об. (договор с изд. М. В. Сабашникова об издании Изборника, 1917); Л. 5а–6 об. (договор с издательством М. В. Семенова об издании восьмого и девятого тома Собрания сочинений, без даты); Л. 9–12 (договор с издательством «Прометей» о передаче в собственность Н. Н. Михайлова 66 стихотворений Кузмина, 1918); Л. 18–21 (договоры с З. А. Гржебиным об издании Собрания сочинений, 1919); Л. 23–25 (договор с «Петрополисом» об издании сборника стихов, 1920) и др. См. также договоры с издательством Сабашниковых на издание переводов: ОР РГБ. Ф. 261. К. 8. Ед. хр. 27. Л. 4–7.

тонов вдруг разорвались в яркие розовые клочья по голубому небу, от которых снег багровел без видимого солнца. Было что-то преображенное. Вечером же звезды были сини, когда мы провожали Аполлонову по Болотной... [Кузмин 1999–2000, 1: 82]

Обратим внимание на эту развернутую пейзажную зарисовку, стиль которой (особенно очевидное увлечение Кузмина цепочками прилагательных и сравнениями) отсылает к кузминской прозе, например, к такому фрагменту из «Крыльев»:

Они шли по прямой дорожке через лужайку и клумбы с неясными в сумерках цветами к террасе; беловатый нежный туман стлался, бежал, казалось, догоняя их; где-то кричали совы; на востоке неровно и мохнато горела звезда в начавшем розоветь тумане, и окна в переплетах старинного дома прямо против них, все освещенные, необычно и странно горели за уже отражающими утреннее небо стеклами [Кузмин 1999–2000, 3: 128–129].

В ранние годы ведения Дневника Кузмин не делает различия между его текстом и текстом своей художественной прозы. Можно предположить, что причиной этого была как раз ориентация на практику публичного чтения — в таком случае дневник был таким же репрезентантом мастерства автора, как и его художественные произведения и, следовательно, нуждался в более тщательной отделке³⁰.

Однако сравним упомянутую запись от 10 декабря с записями за ту же дату других лет:

Был в театре; кажется не очень-то понравилась моя музыка. Юрочка расстроился. Поехал к Наградской. Встретил Гюнтера, Лукомского и Анненкову-Бернар. Последняя тащила меня в какой-то подъезд, чтобы я писал какому-нибудь московскому миллионеру. Завтракали не плохо, беседовали. Пришел Гюгюс, много говорил о Всеволоде, который ему признавался в письмах и во всем. Какая горечь! и он тверд в своем решении. Что ж делать. Припелся и Миллер. Гюнтер развивал имбирийские планы Судей<кину>. Потом решили ехать к Альберу. Вышла теснота из-за того, что я не взял нот в ресторан. Потом прошли в «Собаку», где были разн<ые> люди. Сидел со Сталем. Иванов изнывал около (1912 г.) [Кузмин 2005: 383].

Звонил Софронову и Уконину. Уконин обещал заехать и звал обедать. Заехал, но мало чего взял. Поехали к Альтману. Там много знакомых. Мне

³⁰ Косвенным подтверждением этого наблюдения можно назвать характер пейзажных зарисовок в дневниках 1920-х гг. — фиксируя изменения погоды или особенно красивое небо, Кузмин не отводил им много места в тексте, а сравнение делал менее подробным: «Небо как бирюза. В такую погоду писать, зная себя любимым» (5 сентября 1923), «Какой день, какое небо, тепло, светло, не тает. Розовые на зелени неба облака. На них блестит молодой месяц» (14 января 1924) [Кузмин 2024, 2: 195, 237].

нравятся художн<ики>. Пили, показывали номера, Гранди трогателен, как мастеровой. Все танцевали. Сара Лебедева пела солдатские песни. Лизетта и Тамара Мих<айловна> оделись в мужской наряд. Ос<ип> Макс<имович> танцевал бачей, а Ясный играл на барабане, Юр. читал англичанином. Ничего было. Поехал я с Персиц. Красногвардейцы требовали пропуск. Был от «Новой жизни». Там<ара> М<ихайловна> говорила, что полюбили нас. У Уколина какой-то толстый поставщик вина и две немки-дурки, с которыми обращались зверски. Обед и бесконечная традиционная смена вин. Мои иконы выложены. Гравюры Ходовецкого. Но и гадость есть. Пел я без конца. Дело устроил. Нечего было и думать идти к Переpletник, где был пирог и милый Юр. Все напились. Тихо, выстрелов нет. Юр. не спит. Подарили ему Diegas (1917 г.) [Кузмин 2024, 1: 32].

Побежал в «Литературу». Там Сологуб, Слезкин, Гумилев. Холодно очень. Прибежал писать статью. Юр. нет в лавке, звонил, звал. Дома писались, но не поспел всего. Настроение хорошо. 817 р. (1918 г.) [Ibid.: 114].

Мороз ликует, на солнце окна тают и сейчас же замерзают. Сидел дома. Юр. до обеда спал, потом побежал. Мамаша пошла в баню. Читаю без памяти. Мерзнут ноги. Юр. пришел поздно. Наташил всего. После чая пошел было к О.Н., но попал в кинематограф. Тихо, луна светит, печально, писать хочется до смерти. Смотрел Гоголя. Сжигает «Мертв<ые> души». Ужасно. Но была всенощная, печка, казачок и «Мертвые души». Юр. пришел, значит, рано. Спал я плохо. Только бы к понед<ельнику> отпустил мороз (1921 г.) [Ibid.: 342].

Видно, как заметно меняется язык дневника. Запись упрощается, сжимается: пейзажная зарисовка в последней цитате предельно кратка и лишена стилистических украшений. Средняя запись Дневника становится заметно короче с 1910–1911 г. и будет неуклонно сокращаться примерно до 1918 г.³¹ Отныне — и до 1931 г., последних известных нам записей автора³², — типичная запись будет представлять собой перечень повседневных действий, финансовых расчетов, сокращенных имен (внутритекстовые сокращения также заметно возрастут с 1910-х гг.).

³¹ Веб-инструмент Voyant-Tools (<https://voyant-tools.org>) позволяет оценить среднюю длину предложения, лексическую плотность (процентное соотношение содержательных слов на отрезке речи) и некоторые другие параметры, дающие возможность оценить количественные показатели. Так, среднее количество слов в предложении в Дневнике по годам неуклонно снижается до начала 1920-х гг., затем немного повышается: 15,1 (1906), 9,1 (1911), 6,5 (1914), 5,5 (1918), 6,4 (1921), 6,5 (1923). Схожая картина обнаруживается при анализе количества уникальных словоформ по годам: 15,481 (1906), 7,419 (1914), 6,135 (1918), 6,637 (1921), 9,581 (1923). Таким образом, средняя дневниковая запись к рубежу первых десятилетий XX в. становится заметно короче и скуднее.

³² Мы не учитываем Дневник 1934 г., прагматика которого выделяет его на фоне других томов Дневника — он был задуман Кузминым как полноценное художественное произведение, что отразилось в тексте и его композиции.

Кроме того, время от времени Дневник ведется писателем небрежно: туда не попадают целые недели и даже месяцы, отчего мы, например, не знаем доподлинных обстоятельств знакомства Кузмина и Юркуна — поразительная ситуация для человека, несколькими годами ранее тщательно фиксировавшего малейшие оттенки своих чувств. В 1909 г. появится и закрепится фраза «Что же было?»³³, которая к 1920-м гг. станет едва ли не постоянной³⁴ и будет свидетельствовать либо о заполнении определенных страниц постфактум, либо о нежелании автора подробно расписывать прошедший день, либо о малой ценности произошедшего. Кузмин словно сознательно отказывается от подробного рассказа о своей жизни и вместо этого составляет ее хронику.

Этот факт можно интерпретировать на фоне общего изменения биографической и литературной стратегии Кузмина: попытки в начале 1910-х гг. уйти из-под влияния Вяч. Иванова и его жизнотворческой стратегии. Конфликт с семейством Ивановых произойдет только в 1912 г., но за несколько лет до него Кузмин начнет радикально менять вектор своего творчества. Наряду с поэзией Кузмин начнет создавать заметно больше малой прозы, причем место изысканных стилизаций займут картинки из «повседневной жизни», сближающиеся по прагматике с газетными фельетонами. Тогда же начнется в полной мере карьера Кузмина-критика. Этот период исследователями обыкновенно оценивается как упадок творчества, желание быстрой славы и денег; ранее мы предложили отказаться от этой точки зрения и рассматривать творчество Кузмина первой половины 1910-х гг. как поиск новой литературной репутации и писательской стратегии [Пахомова 2021b], рассчитанной на выход из замкнутого символистского круга к широкому читателю.

Принимая во внимания эти факты, следует отметить, что дневниковая проза Кузмина претерпевает те же изменения, что и его художественное творчество: их стиль стал лаконичнее и суше, изменился предполагаемый реципиент. Можно предположить, что Кузмин в целом переосмыслил свой подход к задачам писателя и воздействию литературы. С середины 1910-х гг. он начинает активно развивать в своей критической прозе идеи о приоритете художественного метода и простых

³³ Первое ее появление в качестве единственной записи за день — 22 октября 1909 г. [Кузмин 2000: 178].

³⁴ Отметим, что в Дневнике 1905–1907 гг. она также присутствует, но в распространенном виде. Впервые она появится в записи от 29 марта 1907 г. в виде: «Пишу через день, плохо помня, что было» [Кузмин 2000: 339]. В Дневнике 1905–1907 гг. эта фраза в разных видах («Что же было», «Не помню, что было», «Что было» и др.) встречается 8 раз; в Дневнике 1908–1915 гг. — около 80 раз; в дневнике 1917–1924 — более 200.

сюжетов над экспериментальной прозой и сложными, необычными сюжетными схемами:

Новизна сюжетов скорее всего изнашивается. Почти все великие произведения имеют избитые и банальные сюжеты, предоставляя необычайные вещам посредственным. Лучшая проба таланта — писать ни о чем, что так умеет делать Ан. Франс, величайший художник наших дней, недостаточно оцененный за чистоту своего искусства [Кузмин 1999–2000, 3: 363],

— пишет Кузмин в статье «Раздумья и недоумения Петра Отшельника» (1914). По мнению писателя, не мастерством сюжетосложения, а уникальным языком автора определяется художественность, и, соответственно, значительность текста. Параллельно Кузмин начнет разрабатывать тему современности — искать наилучший способ отображения актуальных событий в литературных произведениях. Большое количество малой прозы, которую писатель создает в 1910-х гг., отвечает этой задаче: бытовые анекдоты варьировали небольшой набор повседневных сценариев (измена, случайная встреча, нечаянный обман и т. д.) и стирали границу между художественной прозой и зарисовкой «с натуры». Таковы, например, анекдоты об обманутой в лучших чувствах женщине («Платоническая Шарлотта», 1914), об обозвавшемся ревнивце («Соперник», 1914) и др. Этот интерес Кузмина также реализовался в лирике, посвященной февральским событиям 1917 г., когда писатель использовал газетную риторику, хроникальное повествование и монтажный принцип, минимально сокращая дистанцию между событиями, их восприятием автором и моментом создания текста (см. стихотворения «Русская революция», «Волинский полк» и кульминацию этой тенденции — неоконченный роман «Талый след»³⁵).

Принимая во внимание эти процессы, можно заключить, что Дневник постепенно становится лабораторией автора, позволяющей ему проверять свои гипотезы о художественном творчестве. Стирание дистанции между временем события и временем написания (и актуализация этих событий в момент чтения/слушания) делают возможным мгновенную фиксацию современности, в то время как отбор материала, попадающего в Дневник, создает условия для подражания Франсу — письма «ни о чем».

Закономерным итогом такого проекта стало появление двух дублетных пространств: прозы и Дневника. И здесь мы наблюдаем любопытную картину: с начала ведения дневника нового типа (1913–

³⁵ См. о причинах неудачи этого замысла: [Пахомова 2022]. Отметим, что записи за 1917 г., которые могли бы пролить свет на способ отображения исторических событий и временной дистанции в Дневнике, не сохранились.

1915 г., и, возможно, неизвестные нам 1916 — большая часть 1917 г.) в творчестве Кузмина резко возрастает роль прозы (с 1906 по 1912 г. включительно в печати появилось 17 рассказов, романов и повестей Кузмина, а за следующее пятилетие, с 1913 по 1917 г., их уже вышло около восьмидесяти). Далее количество прозаических произведений неуклонно снижается: после 1918 г. и до конца жизни Кузмин не создал и полутора десятков романов и рассказов (из числа дошедших до нас; три романа остались неоконченными). В то же время ведение Дневника не прервалось — даже, напротив, как мы показали ранее: средняя длина предложения и вариативность слов в записи с 1921 г. немного возросла. Дневниковая форма также различными способами моделируется в рассказах («Пять мартовских дней», 1915; «Подземные ручьи», 1922; неопубликованные при жизни «Печка в бане» и «Пять разговоров и один случай») и единожды становится предметом самостоятельной публикации (собрание заметок «Чешуя в неводе», 1922). Можно сказать, что Дневник постепенно поглотил иную прозу Кузмина, став его главным художественным прозаическим произведением³⁶. Следовательно, краткая и скупая фиксация событий в Дневнике — это не результат утрат, а намеренно реализуемая поэтика, которую автор не считал нужным менять.

Этот вывод подтверждает и изменившееся отношение писателя к языку Дневника. Его текст с 1915 г. становится не только лаконичнее — в нем заметно возрастает доля стилистических погрешностей. Кузмин словно намеренно пишет о своей жизни в «низком» регистре, не заботясь о стиле, который был для него чрезвычайно важен при ведении Дневника в 1900-х гг. Можно встретить такие сниженные выражения: «попелся под дождем на Николаевскую» (14 апреля 1921 г.), «Поперся к Матвию» (31 октября 1917 г.), «Публика хамоватая» (28 февраля 1918 г.), «сидел Энгельгардт и разводил какую-то бодягу» (25 июля 1919 г.) и т. д. [Кузмин 2024, 1: 285, 23, 50, 170]. Неоднократно в Дневнике встречаются просторечные грамматические формы (например, «Я писался» — см. записи 20 декабря 1917 г., 29 января 1918 г., 6 марта 1919 г. и др.; «Дома бродил, ничего не пиша» — 10 ноября 1918 г. [Ibid.: 34, 46, 136, 108]) и синтаксические небрежности («Положим, были бы деньги, я бы мог один и внешне поддерживать свой вид; из уважения, снобизма, тщеславия, карьеры кто-нибудь согласился бы на роман со мною, разве это меня бы устроило, когда я люблю Юр., как родного,

³⁶ Здесь также нужно отметить, что в форму, напоминающую дневниковую, выстраивается и критическая проза Кузмина: сотрудничая в газете (затем журнале) «Жизнь искусства», за два с половиной года (1918–1920 гг.) он написал около семидесяти заметок о текущих культурных событиях, не считая нескольких откликов на выходящие книги.

домашнего, из каких-то воспоминаний детства идущего» — 20 июля 1923 г. [Кузмин 2024, 2: 179]). Иногда Кузмин моделирует в Дневнике процесс вспоминания, оставляя в записях черновую работу: «Кто же был у нас. Кажется, Капитан. Нет, Нельдихен» (10 июля 1923 г. [Ibid.: 175]). Все это свидетельствует, что отразить живое течение жизни стало для Кузмина более важной художественной задачей, чем стилистическая отделка текста. Примечательно, что в записи 28 марта 1920 г. Кузмин отражает свой восторг от чтения дневника братьев Гонкуров: «Это чудо. М<ожет> <быть>, в XIX веке нет другой такой книги» [Кузмин 2024, 1: 185]. Намеренная безыскусность дневника Гонкуров, отсутствие отбора событий, отделки образов и установка авторов на стремление «сохранить для потомства живые образы наших современников, воскрешая их в стремительной стенограмме [...] подмечая [...] то неуловимое, в чем передается само биение жизни» [Гонкур, 2: 36] позволяют назвать этот текст прецедентным для Дневника самого Кузмина.

Вероятно, именно прагматической установкой на создание «текста жизни» вызвано неоднократное перечитывание дневника разных лет как лично, так и в узком кругу (см. записи от 10 и 22 марта 1918 г., 11 апреля 1918 г., 20 июня 1919 г., 19 июля 1920 г. и проч.); дневник многолетнего спутника Кузмина Ю. И. Юркуна также читался публично. Чтение нередко сопровождалось «проверкой» настоящего прошлым и стимулировало к подведению итогов: «Читал я свой дневник. 1906 год, конечно, внешне блестящий, потом, м<ожет> б<ыть>, скучнее» (7 декабря 1920 г. [Кузмин 2024, 1: 251]), «Читал дневник свой, как невозвратимую жизнь» (21 марта 1922 г. [Ibid.: 26]) и др. В 1910–1920-х гг. Кузмин, в отличие от своей стратегии 1900-х, четко отграничивает творчество от своей жизни — об этом говорит тот факт, что в дневниковые записи редко попадают упоминания художественных текстов, не говоря уже об их замыслах (эти вещи Кузмин фиксировал в записных книжках и рабочих тетрадях³⁷), что особенно заметно на фоне слияния художественной прозы и Дневника в период жизни писателя на «башне». Стилистически неоднородный, погруженный в быт и дразги Дневник Кузмина разрушает не только литературную репутацию изящного эстета, сложившуюся вокруг писателя в 1900-е гг., но и в целом жизнетворческий проект начала XX в. Намеренно показывая себя вне своего творчества, в контексте живой и зачастую неприглядной жизни, Кузмин совершает акт большей открытости, выступая

³⁷ См., например, записные книжки, хранящиеся в РГАЛИ (Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 44–49), и рабочую тетрадь 1920-х гг. из собрания ИРЛИ РАН (РО ИРЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 319).

перед читателем прежде всего несовершенным человеком, проживателем жизни, а не писателем, поэтом или композитором³⁸. Подобной открытости русская традиция до Дневника не знала. Можно сказать, что в Дневнике Кузмин реализует не только художественный, но и более масштабный эстетический проект, начатый в творчестве и критике 1910-х гг. с установки «писать ни о чем», ведущий к появлению нового типа автора и установлению новых отношений между жизнью и творчеством.

* * *

Так Дневник подспудно обретает особый статус в творческой системе Кузмина. Теснее прочих текстов автора связанный с действительностью, прямо погруженный в современность и моментально фиксирующий происходящее, он постепенно становился тем самым идеальным произведением, о котором Кузмин писал в своей критике середины 1910-х гг. Автор объединяет поэзию, прозу и дневник в метатекст, создавая ситуацию, когда одно не может быть понятно без другого. Очевидно, что продажа и публикация Дневника были возможны только в том случае, если существовал читатель, который знал о репутации Кузмина, был знаком с его творчеством и его кругом — в противном случае Дневник просто не «работал» и не производил должного эффекта. Можно сказать, что Кузмин повторяет стратегию, некогда использованную им при публикации «Картонного домика» параллельно с «Прерванной повестью», и распространяет ее на всю свою творческую биографию. Косвенным подтверждением нашей гипотезы становится известная история со сном, легшим в основу цикла «Форель разбивает лед», — сон становится кодирующим для цикла, который в свою очередь не прочитывается без знания обстоятельств кузминской жизни, отраженных в Дневнике. Возможно именно поэтому в 1922 г. Кузмин публикует рассказ «Подземные ручьи», который можно считать комментарием к Дневнику в отсутствие других объясняющих текстов. Как пишет А. Д. Бабушкин, «стратегия чтения дневника, не останавливающаяся на фактической, “мелочной” стороне записей, но угадывающая стоящую за ними субъективность, по-видимому, представлялась Кузмину наиболее подходящей и для чтения его собственного дневника» [Бабушкин 2022].

Кузмин в какой-то момент *сознательно* отказывается писать последовательную хронику своей жизни и создает принципиально новую

³⁸ О появлении и развитии идеи «искренности» в русской поэзии XIX–XX вв. см.: [Goldberg 2023].

нефикциональную форму: неопределенный статус и прагматика получившегося текста порождают сложности его идентификации, помещения в контекст кузминского творчества, и, наконец, комментария. Однако следует признать, что именно Дневник в итоге стал для Кузмина более значительным произведением, чем проза, и учитывать это при анализе творчества писателя.

Такой вывод вовсе не отменяет факта, что в Дневнике Кузмин действительно фиксировал события своей жизни, проблемы и тяготы, как не отменяет необходимости его издания и реального комментария. Нашей задачей было показать, как практики рецепции текста формируются под воздействием самых разных обстоятельств (требований институций, некритично воспринятых оценок современников, сложившейся репутации) — и что бывают случаи, когда текст под влиянием фона меняет свою изначальную прагматику. Едва ли Кузмин предполагал, что его Дневник будет восприниматься как документ эпохи — для него это был эстетический проект, тесно вписанный в динамику его стратегии и художественных задач. Однако исследователи обошли вниманием самую большую, почти эпическую по размаху, прозу автора, воспринимая ее как документ, доступный только одному виду чтения — вычлениению необходимых сведений об эпохе. Если изменить подход к тексту Дневника, его возможно вывести из непосильного для исследователя и комментатора бремени реального комментария в пространство анализа — тесная слитность и взаимодополняющий характер Дневника и других художественных текстов позволяет утверждать их равный статус в творчестве Кузмина. Таким образом, мы в полной мере можем совершить ту операцию, о которой писали Н. А. Богомолов и С. В. Шумихин: «...совершая мысленный путь от дневника к прозе и поэзии, а от них снова возвращаясь к дневнику, читатель обретает возможность воссоздать тот текст жизни, который оставил нам М. Кузмин» [Богомолов, Шумихин 2000: 11].

Сокращенные названия библиотек и архивов

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва, Россия.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы, С.-Петербург, Россия.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва, Россия.

РНБ — Российская национальная библиотека, С.-Петербург, Россия.

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства,
С.-Петербург, Россия.

Библиография

Источники

Боцяновский 1907

Боцяновский В., В алькове г. Кузмина, *Русь*, 160, 1907, 22 июня (5 июля), 2.

Вигель 1928

Вигель Ф. Ф., *Записки*, Штрайх С. Я., ред. и вступ. ст., Москва, 1928.

Гонкур, 1–2

Гонкур Э. де, Гонкур Ж. де, *Дневник: Записки о литературной жизни: Избр. страницы: В 2 т.*, Лейбович С., сост. и комм., Шор В., вступ. ст., Москва, 1964.

Иванов 1974

Иванов В. И., *Собрание сочинений*, Иванов Д. В. и Дешарт О., ред., 2, Брюссель, 1974.

Кузмин 2000

Кузмин М. А., *Дневник 1905–1907*, Богомолов Н. А., Шумихин С. В., подг. текста и коммент., С.-Петербург, 2000.

— 2005

Кузмин М. А., *Дневник 1908–1915*, Богомолов Н. А., Шумихин С. В., подг. текста и комм., С.-Петербург, 2005.

— 1999–2000, 1–3

Кузмин М. А., *Проза и эссеистика: В 3 т.*, Домогацкая Е. Г., Певак Е. А., сост. и комм., Москва, 1999–2000.

— 1990

Кузмин М. А., *Histoire edificante de mes commencements*, Шумихин С. В., предисл. и публ., *Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г.*, Ленинград, 1990, 146–155.

— 2024, 1–2

Кузмин М. А. *Дневник 1917–1924: В 2 кн.*, Пахомова А. С., общ. ред., Пахомова А. С., Яковлева К. В., Богомолов Н. А., Шумихин С. В., подг. текста, комм., С.-Петербург, 2024.

Лукницкий, 1–2

Лукницкий П. Н., *Аси́тиана: Встречи с Анной Ахматовой: В 2 т.*, Париж, Москва, 1991–1997.

Голлербах 1990

М. А. Кузмин в дневниках Э. Ф. Голлербаха, Голлербах Е. А., предисл. и публ., *Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г.*, Ленинград, 1990, 220–235.

Чуковская 1997

Чуковская Л. К., *Записки об Анне Ахматовой: В 3 т.*, изд. 5-е, испр. и доп., 1, Москва, 1997.

Литература

Бабушкин 2022

Бабушкин А. Д., *Трансформации автобиографического письма в прозе М. Кузмина*, ВКР... магистра филологии, С.-Петербург, 2022.

Блоун, Розенберг 2013

Блоун Ф., Розенберг У., Споры вокруг архивов, споры вокруг источников, Канищева Е., пер., *Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство?: Сб. статей*, Каспэ И. М., ред., Москва, 2013, 125–153.

Богомолов 1995

Богомолов Н. А., *Михаил Кузмин: Статьи и материалы*, Москва, 1995.

——— 2009

Богомолов Н. А., Дневник М. А. Кузмина: текст и комментарий, *Встречи с прошлым: Виртуальный журнал РГАЛИ*, 2009.

——— 2024

Богомолов Н. А., [Преамбула к комментарию], Кузмин М. А. *Дневник 1917–1924: В 2 кн.*, Пахомова А. С., общ. ред., Пахомова А. С., Яковлева К. В., Богомолов Н. А., Шумихин С. В., подг. текста, комм., С.-Петербург, 2024, 1, 347–352.

Богомолов, Шумихин 1993а

Богомолов Н. А., Шумихин С. В., предисл., подг. текста и коммент., Кузмин М. А., *Дневник 1921 года, Минувшее: Исторический альманах*, 1993, 12, 423–494.

——— 1993б

Богомолов Н. А., Шумихин С. В., предисл., подг. текста и коммент., Кузмин М. А. *Дневник 1921 года, Минувшее: Исторический альманах*, 1993, 13, 457–524.

——— 2000

[Богомолов Н. А., Шумихин С. В.], Предисловие, Кузмин М. А., *Дневник 1905–1907*, С.-Петербург, 2000, 5–19.

Вьолле, Гречаная 2006

Вьолле К., Гречаная Е., *Дневник в России в конце XVIII — первой половине XIX в. как автобиографическая практика, Автобиографическая практика в России и во Франции*, Вьолле К., Гречаная Е., ред., Москва, 2006, 57–111.

Гинзбург 1977

Гинзбург Л. Я., *О психологической прозе*, Москва, 1977.

Гришунин 1989

Гришунин А. Л., *Исповедь правдивой души*, Блок А. А., *Дневник*, Гришунин А. Л., подг. текста, вступ. ст. и примеч., Москва, 1989, 5–20.

Гуссерль 2013

Гуссерль Э., *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию*, С.-Петербург, 2013.

Егоров 2003

Егоров О. Г., *Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра*, Москва, 2003.

Зализняк 2010

Зализняк А., *Дневник: К определению жанра*, *Новое литературное обозрение*, 6/106, 2010, 162–180.

Малмстад 2004

Малмстад Дж. Э. Бани, проституты и секс-клуб: Восприятие «Крыльев» М. Кузмина, *Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов*, Павлова М. М., сост., Москва, 2004, 122–144.

Михайлова 2004

Михайлова М. М., *Духовная сила сопротивления*, Гиппиус З. Н., *Ничего не боюсь*, Михайлова М., вступ. ст., Евграфова Г., сост., примеч., Москва, 2004, 5–12.

Михеев 2006

Михеев М., *Дневник в России XIX–XX века: Эго-текст, или пред-текст*, Москва, 2006.

Морев 2011

Морев Г. А., Казус Кузмина, Кузмин М. А., *Дневник 1934 года*, Морев Г. А., ред., вступ. ст. и примеч., изд. 2-е, испр. и доп., С.-Петербург, 2011, 5–25.

——— 1995

Морев Г. А., По поводу петербургских изданий М. А. Кузмина, *Новое литературное обозрение*, 1995, 11, 326–333.

Панова, 1–2

Панова Л. Г., *Русский Египет: Александрийская поэтика Михаила Кузмина: В 2 кн.*, Москва, 2006.

Пахомова 2021a

Пахомова А. С., *Писательская стратегия и литературная репутация М. А. Кузмина в раннесоветский период (1917–1924 гг.)* (= DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS, 46), Tartu, 2021.

— 2021b

Пахомова А. С., «Военные рассказы» М. Кузмина: Попытка реинтерпретации, *Slavica Revalensia*, 8, 2021, 56–79.

— 2022

Пахомова А. С., «Талый след» М. А. Кузмина: Неудавшийся роман о современности, *Русская литература*, 2022, 3, 74–86.

Суворова 1981

Суворова К. Н., предисл. и публ., Письма М. А. Кузмина к Блоку и отрывки из дневника М. А. Кузмина, *Литературное наследство*, 1981, 92/2, 143–174.

Тименчик, Топоров, Цивьян 1978

Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В., Ахматова и Кузмин, *Russian Literature*, 1978, 6/3, 213–305.

Тимофеев 1991

Тимофеев А. Г., Михаил Кузмин и издательство «Петрополис» (Новые материалы по истории «русского Берлина»), *Русская литература*, 1991, 1, 189–204.

— 1994

Тимофеев А. Г., Семь набросков к портрету М. Кузмина, *Кузмин М. А. Арена: Избранные стихотворения*, Тимофеев А. Г., сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. С.-Петербург, 1994, 5–40.

Турков 1969

Турков А. М., *Александр Блок*, Москва, 1969.

Хили 2022

Хили Д., *Другая история: Сексуально-гендерное диссидентство в революционной России*, Клепикова Т., пер. с англ. и науч. ред., Москва, 2022.

Швейцер 1979

Швейцер В., Братская могила, *Синтаксис*, 1979, 4, 139–156.

Шмаков 1972

Шмаков Г. Г., Блок и Кузмин (Новые материалы), *Блоковский сборник: Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока*, Tartu, 1972, 341–364.

Шумихин 1990a

Шумихин С. В., Дневник Михаила Кузмина: Архивная предыстория, *Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г.*, Ленинград, 1990, 139–145.

— 1990b

Шумихин С. В., Из дневника Михаила Кузмина, *Встречи с прошлым*, 7, Москва, 1990, 232–248.

— 1994a

Шумихин С. В., вступ. ст., публ. и примеч., Кузмин М. А., Дневник 1931 года, *Новое литературное обозрение*, 1994, 7, 163–204.

— 1994b

Шумихин С. В., Три удара по архиву М. Кузмина, *Новое литературное обозрение*, 1994, 7, 163–169.

——— 2010a

Шумихин С. В., публ. и коммент., Кузмин М. А., Дневник 1929 года. Январь–март, *Наше наследие*, 2010, 93–94, 99–125.

——— 2010b

Шумихин С. В., публ. и коммент., Кузмин М. А., Дневник 1929 года. Январь–март, *Наше наследие*, 2010, 95, 80–109.

Goldberg 2023

Goldberg S., *An Indwelling Voice: Sincerities and Authenticities in Russian Poetry*, Toronto, 2023.

Paperno, Grossman 1994

Paperno I., Grossman J. D., eds., *Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism*, eds., Stanford, 1994.

References

- Bogomolov N. A., *Mikhail Kuzmin: Stat'i i materialy*, Moscow, 1995.
- Bogomolov N. A., [Preambula k kommentariiu], *Kuzmin M. A. Dnevnik 1917–1924: In 2 vols.*, Pakhomova A. S., Yakovleva K. V., Bogomolov N. A., Shumikhin S. V., eds., St. Petersburg, 2024, 1, 347–352.
- Bogomolov N. A., Shumikhin S. V., eds., *Kuzmin M. A., Dnevnik 1921 goda, Minushee: Istoricheskii al manakh*, 1993, 12, 423–494.
- Bogomolov N. A., Shumikhin S. V., eds., *Kuzmin M. A. Dnevnik 1921 goda, Minushee: Istoricheskii al manakh*, 1993, 13, 457–524.
- [Bogomolov N. A., Shumikhin S. V.], Predislovie, *Kuzmin M. A., Dnevnik 1905–1907*, St. Petersburg, 2000, 5–19.
- Blouin F., Rosenberg W. Contested Archives. Contested Sources, Kanishcheva E., transl., *Status dokumenta: Okonchatel'naia bumazhka ili otchuzhdennoe svidetel'stvo?*, Kaspe I. M., ed., Moscow, 2013, 125–153.
- Ginzburg L. Ya., *O psikhologicheskoi proze*, Moscow, 1977.
- Goldberg S., *An Indwelling Voice: Sincerities and Authenticities in Russian Poetry*, Toronto, 2023.
- Grishunin A. L., Ispoved' pravdivoi dushi, *Blok A. A., Dnevnik*, Grishunin A. L., ed., Moscow, 1989, 5–20.
- Egorov O. G., *Russkii literaturnyi dnevnik 19 veka: Istoriia i teoriia zhanra*, Moscow, 2003.
- Healey D., Homosexual Desire in Revolutionary Russia: The Regulation of Sexual and Gender Dissent, Klepikova T., transl., Moscow, 2022.
- Malmstad J. E. Bani, prostitutky i seks-klub: Vospriatie "Kryl'ev" M. Kuzmina, *Erotizm bez beregov*, Pavlova M. M., ed., Moscow, 2004, 122–144.
- Mikhailova M. M., Dukhovnaia sila soprotivleniia, *Gippius Z. N., Nichego ne boiush'*, Mikhailova M., Evgrafova G., eds., Moscow, 2004, 5–12.
- Mikheev M., *Dnevnik v Rossii 19–20 veka: Ego-tekst, ili pred-tekst*, Moscow, 2006.
- Morev G. A., Kazus Kuzmina, *Kuzmin M. A., Dnevnik 1934 goda*, Morev G. A., ed., 2nd ed., St. Petersburg, 2011, 5–25.
- Morev G. A., Po povodu peterburgskikh izdaniia M. A. Kuzmina, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1995, 11, 326–333.
- Panova L. G., *Russkii Egipet: Aleksandriiskaia poetika Mikhaila Kuzmina*: In 2 vols., Moscow, 2006.
- Pakhomova A. S., Toward the Reinterpretation of Mikhail Kuzmin's *War Stories*, *Slavica Revalensia*, 8, 2021, 56–79.
- Pakhomova A. S., M. A. Kuzmin's *The Thawed Trail*: a Failed Attempt at Writing a Novel about Current Events, *Russkaia literatura*, 2022, 3, 74–86.
- Paperno I., Grossman J. D., eds., *Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism*, eds., Stanford, 1994.
- Shmakov G. G., Blok i Kuzmin (Novye materialy), *Blokovskii sbornik: Trudy Vtoroi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi izucheniiu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka*, Tartu, 1972, 341–364.
- Shumikhin S. V., *Dnevnik Mikhaila Kuzmina: Arkhivnaia predistoriia, Mikhail Kuzmin i russkaia kul'tura 20 veka: Tezisy i materialy konferentsii 15–17 maia 1990 g.*, Leningrad, 1990, 139–145.
- Shumikhin S. V., Iz dnevnika Mikhaila Kuzmina, *Vstrechi s proshlym*, 7, Moscow, 1990, 232–248.
- Shumikhin S. V., ed., *Kuzmin M. A., Dnevnik 1931 goda, Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, 7, 163–204.
- Shumikhin S. V., Tri udara po arkhivu M. Kuzmina, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, 7, 163–169.
- Shumikhin S. V., ed., *Kuzmin M. A., Dnevnik 1929 goda. Ianvar'–mart, Nashe nasledie*, 2010, 93–94, 99–125.
- Shumikhin S. V., ed., *Kuzmin M. A., Dnevnik 1929 goda. Ianvar'–mart, Nashe nasledie*, 2010, 95, 80–109.
- Suvorova K. N., ed., Pis'ma M. A. Kuzmina k Bloku i otryvki iz dnevnika M. A. Kuzmina, *Literaturnoe nasledstvo*, 1981, 92/2, 143–174.
- Shveitser V., Bratskaia mogila, *Sintaksis*, 1979, 4, 139–156.
- Timenchik R. D., Toporov V. N., Tsivian T. V., Akhmatova i Kuzmin, *Russian Literature*, 1978, 6/3, 213–305.

Timofeev A. G., Mikhail Kuzmin i izdatel'stvo "Petropolis" (Novye materialy po istorii "russkogo Berlina"), *Russkaia literatura*, 1991, 1, 189–204.

Timofeev A. G., Sem' nabroskov k portretu M. Kuzmina, *Kuzmin M. A. Arena: Izbrannye stikhotvoreniia*, Timofeev A. G., ed., St. Petersburg, 1994, 5–40.

Turkov A. M., *Aleksandr Blok*, Moscow, 1969.

Violette C., Grechanaya E., Dnevnik v Rossii v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v. kak avtobiograficheskaia praktika, *Avtobiograficheskaia praktika v Rossii i vo Frantsii*, Violette C., Grechanaya E., eds., Moscow, 2006, 57–111.

Zaloznyak A., Dnevnik: K opredeleniiu zhanra, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6/106, 2010, 162–180.

Александра Сергеевна Пахомова, PhD,

старший преподаватель департамента филологии

С.-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

190069, С.-Петербург, наб. Канала Грибоедова, д. 119–121, 123, лит. А, ауд. 224

aleks.pakhomova@gmail.com

Received April 29, 2023